

1. *Παπουλίδης Κ. Κ. Ο Ελληνικός κόσμος του Αντωνίνου Καπυστίν (1817–1894): Συμβολή στην πολιτική της Ρωσίας στη Χριστιανική Ανατολή το 19^ο αιώνα*. Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μελετών Χερσονήσου του Αίμου, 1993. 200 σ., 21 εικ. (ΙΜΧΑ, 248).

2. *Παπουλίδης Κ. Κ. Πορφυρίου Ούσπένσκι άγιορειτικών έλοπτεία*. Άγιον Όρος: Άγιορειτική Βιβλιοθήκη, 2005. 175 σ., 3 εικ.

Среди редких зарубежных работ, посвященных истории русского научного исследования Христианского Востока, работы греческого ученого Константина К. Папулидиса заслуживают особого внимания. Автор ставит себе целью не только познакомить грекоязычного читателя с жизнью и трудами крупнейших русских исследователей Православного Востока, таких как архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин, 1817–1894) и епископ Порфирий (в миру Константин Александрович Успенский, 1804–1885), но и дополнить их биографии материалами собственных научных изысканий. Характеристики и взгляды К. Папулидиса любопытны с точки зрения изучения тех представлений о политической, церковной и научной деятельности России на Христианском Востоке в XIX в., которые имеют распространение в современной Греции.

1. «Греческий мир Антонина Капустина: Вклад в политику России на христианском Востоке в XIX веке»¹.

Книга посвящена Свято-Сергиевскому Богословскому институту в Париже, где учился автор (1954–1959). Именно здесь, в Париже, К. Папулидису впервые рассказал об о. Антонине (Капустине) (1817–1894) его учитель архим. Киприан (Керн) (1899–1960). Говоря о «русском византийце», много послужившем греческому и арабскому христианскому миру, о. Киприан подарил ему 2 своих работы о нем (О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894). Белград, 1934; Памяти архим. Антонина. Париж, 1955) и выразил надежду, что в будущем молодой грек, занимающийся историей России, посвятит монографию на греческом языке этому великому русскому исследователю, а еще лучше — его «греческому миру». Свою собственную книгу, вышедшую в 1934 г., о. Киприан (в 1928–1930 гг. занимавший должность начальника той же Миссии) не считал исчерпывающей, поскольку в ней не был использован богатейший материал «Дневника» Антонина. Он был передан автором в архив Св. Синода и, согласно завещанию, мог быть опубликован лишь через 40 лет после его кончины; в год публикации работы Керна этот срок истек, но ценнейший документ был недоступен для писавшего в эмиграции о. Киприана и считался пропавшим после событий 1917 г. Лишь позднее выяснилось, что из 15 томов «Дневника» Антонина утрачен лишь 13-й (1883–1886 гг.), остальные хранятся в ленинградском Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА, ныне РГИА).

В предисловии Папулидис приводит горькие слова о. Киприана: «Если бы о. Антонин не был русским, ему на его родине, наверное, уже поставили бы памятник, чтители бы годовщины его рождения и смерти и написали бы о нем по крайней мере одну солидную и исчерпывающую монографию». Но для него, не без горечи замечает он (с. 14), даже «не нашлось места в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979)». Свое исследование, «заполняющее эту пустоту», Папулидис посвящает 100-летию со дня кончины ученого.

Книга, занимающая 200 с., включает Предисловие (с. 13–16) и 3 основных части: I) биографическую (с. 27–80), II) «эргографическую» (библиография трудов Антонина (Капустина) и подробный реферат его «Записок поклонника Св. Горы», с. 81–112) и III) «аксиологическую», представляющую собой попытку оценки заслуг о. Антонина (с. 113–122). В Приложении (с. 123–166) приведен список греческих рукописей, связанных с именем Антонина, а также опубликованы некоторые архивные документы. Книга снабжена французским резюме, указателями и списком трудов автора. Имеется несколько

¹ См. рецензию Б.Л. Фонкича // *Byzantinorussica*. М., 1994. Т. 1. С. 214–216.

черно-белых иллюстраций (в т. ч. дагерротипный портрет о. Антонина от 1859 г.).

Главным отличием книги Папулидиса от работы Киприана (Керна) является использование в ней «Дневника» Антонина (Капустина), над изучением которого греческий ученый работал в ЦГИА с 1989 г. (Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 4. Дела 1118–1131). Ученый также изучал документы в московском Архиве внешней политики России (АВПР. Фонды Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИДа (Оп. 765), ИППО (Оп. 837/11); Главный архив (I–9, II–1, III–1), Посольства в Константинополе (Оп. 517/2)), в Иерусалимском архиве Русской духовной миссии (АРДМ), в афинских архиве МИДа Греции (1853 г. Ф. 76/1) и Геннадиевской библиотеке (архив Ст. Драгумиса), а также в Киеве (ЦГИА УССР. Ф. 707. Оп. 87) и Одессе (ГАОО УССР. Ф. 45. Оп. 4).

Интересные архивные материалы опубликованы в Приложении. Это 1) 6 документов, касающихся передачи Русскому посольству церкви Никодима (Ликодима) в Афинах (из архива греческого МИДа); 2) документы в связи с возведением иеромонаха Антонина в сан архимандрита (5 из архива греческого МИДа и 1 из АВПР); 3) жалоба Иерусалимского патриарха Никодима от 28.2.1890 в адрес русского посла в Константинополе Александра Нелидова на неподобающее отношение со стороны ИППО (из АВПР); 4) разрешение патриарха Герасима Иерусалимского на погребение о. Антонина, согласно его предсмертной воле, в храме Спасителя на Елеонской горе от 25.3.1894 (из АВПР). Кроме того, в тексте опубликованы 2 газетных статьи из «Дневника» Антонина, относящиеся к афинскому периоду его деятельности.

Биографическая часть, делящаяся на 4 периода (ранний: 1817–1850, афинский: 1850–1860, константинопольский: 1860–1865, палестинский: 1865–1894), в целом опирается на книгу Киприана (Керна). Нельзя не признать пользу от такой популяризации среди греческих читателей хотя и старой, но блистательной русской работы, подлинного шедевра биографического жанра (в России ее переизданием был отмечен юбилей о. Антонина)². Впрочем, достаточно сухой пересказ К. Папулидиса непритязателен в стилистическом отношении, а внимательное сравнение с оригиналом показывает, что он не всегда точно передает смысл русского текста. Так, цитируя Керна, Папулидис пишет, что «Антонина не понимали ни его начальник митрополит Московский Филарет, ни императорский представитель в Святейшем Синоде всеильный Победоносцев» (с. 14), тогда как у Керна (с. 5): «Он прозревал и тонким чутьем угадывал то, что никогда не смогли бы понять ни митрополит Филарет, ни Победоносцев». Сестра Андрея Капустина, будущего о. Антонина, по недоразумению названа «неизвестной по имени» (с. 27), тогда как Керн приводит ее имя — Антонина Ивановна (с. 12, 73). На с. 30 Папулидис пишет, что в библиотеке Русской духовной миссии в Иерусалиме сохранилась «маленькая книга, по которой 20-летний Андрей Капустин учился греческому языку, с отрывками из Гомера и Геродота», со ссылкой на Керна; но у последнего речь идет о Часослове (с. 33): «Как-то раз на толкучке он покупает истрепанный и засаленный греческий часослов... Таким образом оживает для него греческий язык, становятся одушевленными и живыми прописи греческого учебника и тексты Гомера и Геродота. Этот маленький греческий томик с надписью екатеринославского семинариста Андрея Капустина и донныне хранится в библиотеке нашей Миссии в Иерусалиме» (с. 33).

Биография о. Антонина дополнена по «Дневнику» и письмам (напр., письмо отца от 16.3.1852, АРДМ, дело 1414). Род Капустиных возводится к Ивану Грозному (ссылка на «Дневник»). В первых томах «Дневника» сохранились имена всех соучеников Антонина, содержание прочитанных им книг, греческие слова и выражения. О поездке в Москву с товарищем по Киевской духовной академии (с фамилией, приведенной почему-то в женском роде: «Щепкина», с. 31). Указывается, что Антонин учил татарский, арабский,

² Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). Москва: Крутицкое Патриаршее Подворье, О-во любителей церковной истории, 1997. 216 с. Далее ссылки на это издание.

еврейский язык; особое внимание уделено греческим словам и выражениям, встречающимся в «Дневнике». О сердечных переживаниях 28-летнего Андрея Капустина, столь живо и возвышенно описанных о. Киприаном, Папулидис упоминать не считает нужным.

По характеристике К. Папулидиса, Антонин (Капустин) — «ученый клирик, характерный образец образованного клирика России XIX века, с особой любовью к христианской археологии, описанию и собиранию рукописей, поэзии и астрономии. Он проявил талант администратора и писателя, уверенность в своем призвании и любовь к греческому и арабскому миру Христианского Востока. Наконец, он был членом научных обществ в России, Греции и Германии».

Как показывает название книги, именно «греческий мир» находится в центре внимания автора, причем в узком смысле слова. 10 лет пребывания архим. Антонина в столице Греции Афинах (1850–1860) занимают 20 страниц — столько же, сколько и 30 лет деятельности в Константинополе и Палестине. Важное уточнение вносит К. Папулидис в вопрос об истории передачи церкви Никодима (Ликодиму) в Афинах в распоряжение русского посольства в Греции. Как показывают архивные документы, храм, который в 50-х гг. восстанавливал архим. Антонин, ставший его настоятелем, был передан посольству еще в 1847 г., за несколько лет до его прибытия; тогда же было дано разрешение на перестройку. Папулидис публикует любопытные документы из «Дневников» Антонина (Капустина), освещающие непростую обстановку вокруг «русского храма». Во-первых, это забавные стихи македонского «эллина» Григория Ставридиса (позднее известного как болгарский патриот Григор Парличев) по поводу «фарисейских» порядков русских: служитель, «гигантский муж», сорвал с него любимую шляпу, надетую им внутри храма перед выходом, косноязычно упрекая в безбожии (из газеты «Афина», 29.11.1858). Во-вторых, анонимная статья из какой-то прорусской греческой газеты, которая сетует на незаконные препятствия, чинившиеся о. Антонину афинской полицией во время восстановительных работ. Эти упреки Папулидис считает надуманными, обращая внимание на то, что и сам Антонин не поместил эту вырезку в хронологическом порядке «Дневников», а оставил в числе не разобранных материалов.

Автор воздает должное научно-культурной деятельности архим. Антонина (Капустина). В ходе раскопок в Афинах (церкви Никодима (Ликодиму) и святых Феодоров, Эрехтейон, Тесейон, Пропилеи, западный фасад Парфенона), проводившихся им совместно с греческими учеными (К. Питтакис, П. Ромботис), было обнаружено и опубликовано около 200 надписей, датированных с 593 по 1190 гг. Посольскую церковь Никодима о. Антонин превратил в «культурный центр на службе греко-русских культурных и образовательных связей»; характерно, что ко времени его прибытия в столицу Греции в Афинах не оказалось ни одной русской книги, и по просьбе Антонина Киевский университет прислал туда дубликаты из своей библиотеки.

Константинопольский период деятельности архим. Антонина (1860–1865) описан кратко. Упоминается о составлении им в 1862 г. каталога 624 рукописей Святогробского подворья, среди которых была отмечена уникальная рукопись 1056 г. с 2 посланиями Климента Римского и «Дидахе» (спустя 20 лет в 1883 г. ее издал Филофей Вриенний, считающийся с тех пор ее первооткрывателем). Упоминается разрешение, выданное архим. Антонину патриархом Иоакимом II (1860–1863) на работу «с патриаршими кодексами для разыскания записей, касающихся русской истории» (3-й том собрания актов Каллиника Деликаниса, № 131).

Приступая к рассказу о палестинском периоде деятельности архим. Антонина (1865–1894), К. Папулидис предлагает читателям краткий очерк истории русского присутствия на Святой Земле в XIX в. Здесь дает себя знать то настороженно-неодобрительное отношение к ближневосточной политике императорской России, которое характерно даже для таких симпатизирующих русской культуре греческих историков, каким несомненно является К. Папулидис. Как бы оправдывая своего героя в глазах читателей, автор

подчеркивает, что «в продвижении русской теории «покровительства» восточным христианам Антонин не был столь уверен, поскольку в нем главенствовали как католичность Православной Церкви, так и его филэллизм» (с. 61). Говоря о создании Русской духовной миссии в Палестине во главе с архим. Порфирием (Успенским), которому было поручено МИДом действовать в качестве «представителя Русской Церкви и образца ее благолепного служения», «преобразователя греческого духовенства», Папулидис пишет, что для этого «Русская Церковь не имела ни канонического, ни исторического, ни политического основания» (с. 62)³. Эти слова снабжены ссылкой на Ф. Титова и Киприана (Керна). Но приведенные у Керна слова Титова имеют иной акцент (с. 119): «У Миссии для этого не было самого важного и существенно необходимого условия — влияния на греческое духовенство, ни канонического, ни исторического, ни политического...» Папулидис уверен, что палестинская Миссия была задумана русским МИДом не столько как церковное представительство, сколько как «агентство по сбору информации» (πρακτορείο πληροφοριών) (с. 64). Уже при архим. Порфирии Русская Миссия в Палестине была, по Папулидису, лишена канонических оснований; когда же после Крымской войны ее возглавил епископ Кирилл Мелитопольский, патриарх Кирилл Иерусалимский был проигнорирован, что явилось нарушением канонических норм. Одной из значительных заслуг архим. Антонина было урегулирование отношений России с Иерусалимским Патриархатом. Прибыв в Палестину в качестве временного главы Миссии во время обострения ее конфликта с патриархом Кириллом II (1845–1872), он сумел полностью нормализовать отношения с Патриархатом, испорченные при его предшественниках (главным образом в результате подковерной борьбы между РДМ и русским консульством, описанной в книге Киприана (Керна)). Уже в августе 1868 г. Кирилл II наградил архим. Антонина орденом Креста. А в сентябре 1872 г. тот же Кирилл, единственный из восточных патриархов, отказался подписать томос Константинопольского собора с осуждением «болгарской схизмы», за что уже в ноябре был низложен. Этому, замечает Папулидис, не сумели воспрепятствовать ни посол Н.П. Игнатъев, ни архим. Антонин. (Из книги Керна мы узнаем о принципиальной позиции Антонина (Капустина) по этому вопросу: до марта 1874 г. он не признавал нового патриарха Прокопия и даже предложил вывести РДМ из духовной юрисдикции Иерусалимского Патриархата). Отдавая должное деятельности о. Антонина по созданию «русской Палестины», Папулидис напоминает об Указе Св. Синода от 21.12.1872, которым предписывалось прекратить покупку земли РДМ, и ироничные слова Игнатъева в письме о. Антонину: «Хорошо, что существует всего одна русская Миссия, а не множество, а то русские клирики скупили бы всю Турцию» (АРДМ. Д. 2060).

Продолжая апологетическую линию, К. Папулидис отрицает какую-либо роль о. Антонина в пресловутом «синайском деле Тишендорфа», замечая, что «как в иерусалимском, так и в синайском деле Антонин Капустин, при всем том, что был русским и подчиненным петербургскому МИДу, всегда действовал либо как филэллин, либо как приверженец вселенскости Церкви». Автор считает необоснованными обвинения Хрисостома Пападопулоса в том, что Антонин осуществил «изъятие» Синайского кодекса Библии из монастыря св. Екатерины на основании адресованных ему слов Игнатъева (письмо от 14.3.1869): «только ради Вас опустошил я свой кошелек». Эта фраза, замечает Папулидис, свидетельствует скорее о стремлении о. Антонина получить из России условленную сумму: «русские, даром или за деньги и награды, все равно получили бы кодекс». Об авторитете, которым пользовался о. Антонин в глазах Игнатъева, говорит дело архиеп. Каллистрата Синайского, когда влиятельный посол был вынужден переменить свое мнение (с. 115). «Наконец, — приводит Папулидис слова Керна, — Антонин не участвовал в борьбе между МИДом, ИППО и РДМ за право представлять Россию в Иерусалиме и заведовать паломничеством». Опубликованная в Приложении

³ «...η Εκκλησία της Ρωσίας δεν είχε καμιά κανονική, ούτε ιστορική, αλλά ούτε και πολιτική αιτιολογία να την διοργανώσει».

жалоба патриарха Никодима (1883–1890) на ИППО, не имеющая прямого касательства к теме книги, опубликована Папулидисом «для иллюстрации трудных отношений ИППО с Патриархатом», чего, по его мнению, не было бы, если бы во главе Общества стояли люди, подобные герою книги.

Во 2-й части книги дана достаточно полная библиография работ Антонина (Капустина): 105 публикаций, включая письма и речи; многие статьи под псевдонимами. Остается лишь пожалеть, что некоторые позиции остаются «глухими», т. к. из заголовка нельзя понять тему публикации.

Стремясь познакомить греческого читателя с научным наследием архим. Антонина, К. Папулидис дает довольно подробное изложение содержания его малоизвестной в Греции работы «Заметки поклонника Святой Горы» (Киев, 1864). 403 страницы этого дневника научной поездки на Афон в июле-октябре 1859 г. пересказаны на 20 страницах. В пересказе «Заметок» особо упоминается о встрече Антонина с экспедицией П.И. Севастьянова (Андреевский скит, август 1859 г.). Встретив в хрисовуле XI в. из монастыря Филофея «просторечные» слова (*неро, страта*), Антонин сетует, что Афинский университет «до сих пор не издал истории новогреческого языка»; в словах, оканчивающиеся на *-ица/-ици*, Антонин видел славянскую форму, на что Папулидис замечает: «Известно, однако, что Антонин не занимался филологией» (с. 100). В Великой Лавре, которая показалась Антонину «вовсе не соответствующей своей великой славе», монахи сообщили ему, что некие «франки» скупили в библиотеке около 10 рукописей за 6000 пиастров. В Симонопетре монах, живший в Москве, спросил о. Антонина, нравятся ли ему местные иконы, и, получив отрицательный ответ, сказал: «От нашего письма можно огорчаться, но от вашего — только рыдать!»

В качестве особого научного вклада архим. Антонина (Капустина) К. Папулидис выделяет его каталоги рукописей: 1) для библиотеки Святогробского подворья в Константинополе (1862) (опубликован А.А. Дмитриевским в 1890 г.); 2) палестинской Лавры св. Саввы (1868), 2 списка — в Патриаршей библиотеке Иерусалима и ИППО, СПб.; 3) монастыря св. Екатерины на Синае (1870) — 1310 греческих, 38 славянских, 50 арабских рукописей. В приложении дан список греческих рукописей из библиотек Киева, Санкт-Петербурга и Москвы, связанных с именем архим. Антонина.

К. Папулидис неоднократно подчеркивает симпатии своего героя к Греции и грекам, его приверженность Вселенской Церкви. Сообщается, что о. Антонин свободно говорил на греческом (подыскивая русские слова), считал «возлюбленную Элладу» своей второй родиной. Говоря о росписи афинской церкви Никодима, Папулидис сожалеет, что о. Антонин, хотя и был «русским византийцем», оставался «верным сыном Русской Церкви XIX века, не имевшей никакого византийского духа в христианской живописи», и украсил храм в западноевропейской манере — позднерусским иконостасом и росписями баварского художника Г. Тирша («Künstler Tirch» (sic), с. 51). Странно, что при этом автор не считает нужным отметить, что на фресках храма были изображены 39 святых афинского происхождения. Представляя «Заметки поклонника Святой горы», Папулидис пишет: «Мы уверены, что ни в 1864 г., ни позже в России не мог появиться столь объективный и филэллинский труд, написанный русским автором» (с. 93). Внимание читателей обращается на «филэллинские» высказывания о. Антонина: так, после 9 лет пребывания в Греции он признавался, что чувствует себя космополитом (заметим, что в контексте речь идет об одиночестве и кинувийной монашеской жизни на многонациональном Афоне), что, приехав с родины в Афины, он был рад вернуться от *русского духа* в греческую стихию; в беседе с греками по поводу македонского вопроса он признал, что Македония *по древнему праву* принадлежит грекам (вновь заметим, что эти слова вырваны из контекста: о. Антонин говорил далее о невозможности эллинизации местного многочисленного славянского населения), и сетовал на трудное положение «славянина-филэллина». Вслед за этим, вне связи с повествованием, автор с аккуратной ссылкой на источники сообщает, что число русских монахов на Афоне с 1840 по 1902 г.

выросло с 150 до более чем 3600 (с. 93). Этот контекст хорошо понятен греческому читателю...

О «национальном вопросе» на Афоне Папулидис говорит: «До 4-го десятилетия XIX в. греки и славяне жили вместе в экуменическом духе, но русская политика (которая использовала и Русскую Церковь) выставила национальную проблему на первый план с целью добиться в итоге фактической «русификации» (του εκρωτισμού) Святой Горы». Для Антонина же, считавшего себя «славяно-филэллином», «национальный вопрос входил в столкновение с вселенскостью Церкви». Он писал: «Совместная жизнь греков и русских на Святой Горе полезна для русского монашества, и могу сказать, что ничто не сможет меня разубедить. Эта совместная жизнь полезна также и для греческого монашества» (с. 56–57). Особого внимания Папулидис удостоивает замечания о. Антонина, сделанного им в 1859 г. по поводу традиционного названия Русика: «Имя монастыря Пантелеимона, Русский, мы взяли от греков, говорящих без каких бы то ни было пояснений «Русикон монастырион», откуда и мы называем его «Русский монастырь». Но такое название, я считаю, не подходит к нему, поскольку *Русский* означает относящийся к России, но этого нельзя сказать о монастыре Пантелеимона» (с. 24). Упоминая о том, что хиландарцы-сербы были в ссоре не только с греками из Есфигмена, но и с болгарам из Зографа, о. Антонин замечал: «Греки более сильный народ, поскольку составляют единое политическое тело». Здесь Папулидис считает нужным сделать примечание: «Как мы сказали во введении, на эту книгу архимандрита Антонина Капустина не было опубликовано никаких критических отзывов. Но как могли появиться такие отзывы, если русский архимандрит в вопросе о происхождении многочисленных славянских монахов на Святой Горе не признавал теорию Я. Фальмерайера, который писал в 1835, что «ни капли настоящей и чистой греческой крови не течет в венах христианских жителей современной Греции?»» (с. 107, прим. 24). В политике архим. Антонин предвидел «битву богов и гигантов» — панэллинизма и панславизма (ср. Керн, с. 143: «Мне уже видится предстоящая борьба новых богов и гигантов, чудовищных вымыслов новой мифологии, не существующих, но действующих, отрицаемых, но веруемых — панэллинизма и панславизма»). В Афинах «40 циклопов» (газет) ежедневно мечут стрелы в Зевса, а славянский Перун ходит не с луком, но с пушками... Остается лишь заметить, что в книге Папулидиса мы по понятным причинам не видим следующих слов о. Антонина, адресованных любимым им грекам: «Славная нация, сиди ты на своем месте, будь ты справедлива и к другим так же, как и к себе, и сознай ты свое прямое назначение в истории, тебе все помогут, и скорей всех мы, обзываемые тобой эллиноненавистниками»...

Подводя итог, приведем слова К. Папулидиса: «Мы можем сегодня зачастую говорить, что Русская Церковь в XIX в. была на службе у государства, что это была «государственная» Церковь — но надо признать, что ее представительство за пределами Российского государства часто составляли ее лучшие кадры», такие как Антонин (Капустин) (с. 117).

Отмечая достаточно высокую для Греции издательскую культуру издания, изобилующего транскрипциями с русского, отметим лишь некоторые опечатки: Anonzio (надо Alonzio), Benördenorganisation (Behördenorganisation) (с. 20), Važarova (Vážarova, Въжарова) (с. 21), Lbovyj (L'vov, Львов) (с. 24); Vingerov (Vengerov, Венгеров) (с. 26), Niščiskij (Niščinskij, Нищинский, с. 53–54, хотя в указательно верно); dorevoljuonnoj (dorevoljutsionnoj) (с. 62); Gorsakov (Gorčakov), Tol'stoj (Tolstoj) (с. 63); вел. кн. Константин Николаевич именуется то «μεγάλος δούκας» (с. 56), то «μεγάλος πρίγκιπας» (с. 65) (в указателе — 2 разных лица). Слово «поклонник» везде последовательно пишется с одной «н».

2. «Обзор святогорских исследований Порфирия Успенского».

В рассмотренной выше книге К. Папулидиса об Антонине (Капустине) затрагивается

тема судьбы древних рукописей, попавших с греческого Востока в рукописные собрания и библиотеки России. Будучи на Афоне, о. Антонин не пошел в богатую библиотеку Дионисиата, не желая, по его словам, натолкнуться на недоверие и отказ монахов. После того, как Барский нашел там 1500 рукописей, с горечью говорит архим. Антонин, эту библиотеку «обчистили» многие посетители, и среди них наши соотечественники. Вслед за этим Папулидис приводит свою любимую цитату из «Истории Иерусалимской Церкви» Хрисостома Пападопулоса (в рецензируемых книгах она приводится аж 6 раз: в первой на с. 62 и 104, во второй — на с. 26, 55, 62 и 67): «Порфирий Успенский... имел... привычку вырывать из рукописей листы, которые по большей части хранятся сегодня в Императорской библиотеке Петербурга» и добавляет: «Конечно же, будет несправедливо ставить Антонина Капустина в один ряд с Порфирием Успенским» (с. 104).

Фигура епископа Порфирия (Успенского), крупного русского церковного ученого и политика XIX в., находится в центре недавно вышедшей работы Константина Папулидиса. Автор стремится рассеять атмосферу осуждения и недоброжелательного замалчивания, долгое время царившую в Греции в отношении еп. Порфирия, и знакомит греческих читателей с содержанием его научных трудов.

Книга, посвященная памяти о. Киприана (Керна), состоит из 2 частей. В первую включены биография (с. 33–70) и библиография (с. 71–88) еп. Порфирия, во вторую (с. 89–154) — краткое содержание его трудов, посвященных Святой горе Афон: а) первого и второго «Путешествий по святой горе Афонской» и «Истории Афона» в 3 частях; б) прочих сочинений, связанных с Афоном.

Отдавая дань расхожим утрированным представлениям о политических идеях, которыми, по мнению греческих историков, руководствовалась русская политика на Православном Востоке в XIX – начале XX в., К. Папулидис дает в качестве введения очерк развития «идей панславизма», среди которых главной считает завоевание Константинополя и превращение его в столицу Славянского союза. Начавшееся во 2-й пол. XIX в. энергичное вмешательство России в «Восточный вопрос», использование Русской Церкви как органа государственной политики, строительство панславизма, поддержка Болгарского Экзархата — все эти процессы были, по мнению автора, тем общественно-политическим фоном, который обусловил появление и развитие в России византийских исследований. По решению и при финансировании Российского государства возникли такие институты, как Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), Российское общество пароходства и торговли (РОПИТ). Все они были призваны обеспечивать интересы России в Восточном Средиземноморье под прикрытием религиозной, научной или коммерческой деятельности (с. 12). Одним из русских исследователей Христианского Востока стал еп. Порфирий (Успенский), которого Папулидис признает первым и впоследствии непревзойденным русским научным исследователем Афона. Между тем из греческих авторов трудами Порфирия пользовался только Герасим Смирнакис⁴.

Основой очерка о жизни еп. Порфирия для Папулидиса стали работы русских исследователей: И.И. Срезневского, С.И. Пономарева, А.А. (в книге ошибочно А.И.) Цагарели, А.А. Дмитриевского, П.А. Сырку, М.П. (в книге ошибочно М.И.) Бондырева, А.П. Лебедева, П.В. Безобразова, В. Кастарова (неопубликованное сочинение в архиве Казанской духовной академии), архим. Иннокентия (Просвирнина), Л.А. Герд. Среди архивов, материалы которых содержат сведения о еп. Порфирии, автор называет Санкт-Петербургский филиал Архива АН (ААН. Ф. 118. Оп. 1. № 1–56 (биографические данные), № 57–90 (география, статистика, этнография), № 91–199 (история), № 202–282 (заметки, публикации, записки)); рукописный отдел Библиотеки АН в Санкт-Петербурге (ОРРК БРАН. Текущие поступления. № 599, 600 (копии актов Афона)); Архив внешней политики России (АВПР. Ф. 161, II–9: Главный архив. Оп. 46: Духовные дела, русские

⁴ *Γεράσιμος Σμυρνάκης, ἑρμοναχός. Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Αθήναι, 1903. Καρναί, 1988, 2005.*

паломники в Палестине. 1847 г. Дело 26: Порфирий, архим., начальник Духовной миссии в Иерусалиме. 9 папок (описание монастырей и скитов). 1848 г. Дело 15: 3 записки о состоянии Православия на Востоке, 1848–1858. 1854 г. Дело 7: Формулярные списки Порфирия Успенского).

В качестве эпиграфа к биографии еп. Порфирия избрана цитата из Г. Флоровского: «Скорее антикварий и эрудит, чем исследователь...». Краткое описание жизни и деятельности Порфирия (Успенского), за неимением столь же добротной основы, какой для биографии Антонина (Капустина) послужила книга Киприана (Керна), сводится к поверхностной информации. Вновь, как и в книге про Антонина, приходится встретить искаженную цитату из Титова и Керна (с. 44). «В иерархии Русской Церкви XIX в., — пишет Папулидис, — не было никого, кто мог бы представить себе проблемы христиан Османской империи, так как монархическое мышление русской церковной иерархии не было способно проникнуть в проблемы иерархов христиан Христианского Востока» (с. 43). Этот тезис призваны подкрепить слова свт. Феофана Затворника, работавшего в Палестине с еп. Порфирием, который писал в 1895 г.: «Мы, русские, не хотим принять свет Востока. Будучи эгоистами, мы самих себя считаем светочами вселенной». В том же духе дана пространная цитата из французской статьи архим. Киприана (Керна)⁵, где говорится «о дурной привычке русских церковных кругов считать себя единственными выразителями Православия, в то время как Русская Церковь — всего лишь внучка Константинополя, Афин и Иерусалима».

Особое внимание уделено путешествиям архим. Порфирия на Афон. Во время первого (с 11 августа 1845 г. по 1 июля 1846 г.) его маршрут пролегал так: Пантелеимон, Ивер, Лавра, вершина Афона, Кавсокаливия, Филофей, Ксиропотам, Св. Павел, Дионисия, Григория, Симонопетра, Пантелеимон, Ивер, скит Предтечи, Пантелеимон (1845); Пантелеимон, Хиландар, Есфигмен, Ватопед, Пантократор, Ставроникита, Кутлумуш, Каракалл, Ивер, Карей; Константинополь (1846). Во время второго путешествия в 1858–1861 гг. Порфирий, прибыв на Афон из Константинополя, посетил Ксенофонт, Дохиар, Зограф, Кастамонит, скит Лакку, скит Предтечи, скит Пантелеимона, скит Димитрия, скит Благовещения, скит Ильинский, скит «Богородица» и Андреевский скит.

Рассказывается об отношениях Порфирия (Успенского) с экспедицией П.И. Севастьянова⁶. Папулидис отмечает, что летом 1859 г. в Пантелеимоновом монастыре, Протате и Андреевском ските работали одновременно П.И. Севастьянов с сотрудниками, Порфирий (Успенский) и Антонин (Капустин). Севастьянов привез в Россию 5000 чертежей, списков и фотографий; Антонин написал книгу о путешествии; Порфирий написал сотни страниц «Истории Афона». Они же обогатили музеи России афонскими памятниками: 44 из 104 афонских экспонатов Эрмитажа, а также 120 икон и фресок получены через Севастьянова; среди них — «купленные» (кавычки Папулидиса) в Карее алтарные врата XVII в. с Благовещением (с. 49).

За свои труды по истории Афона еп. Порфирий был удостоен звания доктора эллинской словесности Петербургского университета. Свой архив и 24 000 руб. Порфирий завещал Академии наук. Во исполнение завещания АН сформировала комиссию в составе А.Ф. Бычкова, А.А. Куника (почему-то пропущен В.В. Васильевский — с. 51) и призванного впоследствии П.В. Никитина, в задачу которых входило издание наследия ученого, прежде всего окончания «Истории Афона».

Касаясь отношения к еп. Порфирию в России, Папулидис отмечает, что уже до перестройки о нем писали в восторженных тонах (статья Н.Н. Розова, 1979; юбилейная статья архим. Иннокентия (Просвирнина), 1985). Но наиболее верно и объективно, по его мнению, вклад в науку Порфирия оценил русский эмигрант, протопресвитер и проф. богословия Георгий Флоровский, который писал в 1937 г.: «Инициатива рукописных разведок на Востоке принадлежит епископу Порфирию Успенскому (1804–1885). Ему

⁵ L'enseignement théologique supérieur dans la Russie du XIXe siècle // *Istina*. 1956. Т. 3. Р. 249–286.

⁶ Пересказ по: *Герд Л.А.* Епископ Порфирий Успенский... С. 19.

пришлось немало лет провести в Константинополе, на Афоне и в Палестине с официальной миссией. Вернувшись в Россию, он привез с собой богатое собрание греческих рукописей, древних икон и других древностей, до сих пор еще не использованное исследователями вполне. Скорее антикварий и эрудит, чем исследователь, человек острого и скорее беспокойного ума, но без критической школы, Порфирий, тем не менее, в своих многочисленных исторических книгах заложил твердый фактический фундамент для последующей разработки византийской церковной истории».

Острую критику 2-й части «Истории Афона», изданной под редакцией П.А. Сырку, дал А.А. Дмитриевский⁷. (Уж не потому ли, предполагает Папулидис, что не ему было поручено готовить к печати этот труд? — с. 54.) По мнению Дмитриевского, резюмирует Папулидис, «появление посмертного издания трудов епископа Порфирия вызвало большой шум, но издание разочаровало», так как автор старался показать, что «Богородица не была на Святой Горе и быть там не думала»; епископ Порфирий не мог работать в архивах Кареи и Ватопедского монастыря и имел сложности в монастыре Кутлумуш, из-за чего писал, опираясь на «устные рассказы и предания»; вообще епископ Порфирий дает односторонние и неверные толкования и т.д. и т.п. Отметим, что рецензия Дмитриевского касается только 2-го отделения 3-й части, изданной АН; предыдущие тома, вышедшие при жизни Порфирия, он расценивает как более удачные (именно они «наделали немало шума», а не рецензируемое издание); кроме того, критика Порфирием преданий о пребывании Богородицы на Афоне вовсе не вызывает недовольство Дмитриевского, как можно было бы подумать из слов Папулидиса. В рецензии написано буквально следующее: «Преосвящ. Порфирий, дав в предшествующих частях настоящего труда несомненные доказательства обширной начитанности в классической и иностранной литературе по некоторым вопросам и одарив историческую науку несколькими любопытными страницами серьезного разбора тех сказаний и легенд о пребывании на Афоне Богоматери, какие ходят среди обитателей св. Горы и которые записаны в разных рукописях, оказался несостоятельным историком, когда приступил к изложению настоящей истории Афона «монашеского», который нас более всего должен интересовать» (с. 414).

Наиболее любопытной для русского читателя книги Папулидиса является оценка деятельности еп. Порфирия в работах греческих авторов. Не скрою, было удивительно и странно читать те поверхностные, необъективные и подчас прямо оскорбительные нападки на русского иерарха со стороны греков (в том числе носящих священный сан). Сразу же отметим, что сам К. Папулидис отнюдь не согласен с такой односторонностью и настаивает на более объективной оценке заслуг Порфирия (Успенского). «Греческие авторы, обращаясь к жизни и деятельности епископа Порфирия Успенского, делают акцент на «слабости» русского посланника в странах Христианского Востока, сосредоточенной на собирании икон, святынь, кодексов, рукописей и книг, которые он приобретал либо покупая на рынке за бесценок, либо получая в «подарок», либо вырывая страницы. Но я считаю, что о епископе Порфирии следует судить, оценивая в целом его деятельность и вклад в науку» (с. 55). Считаю уместным привести здесь несколько мнений о преосв. Порфирии греческих писателей, которые помогают составить представление об атмосфере, которая сложилась в Греции вокруг его имени.

Академик и архиепископ Афинский Хрисостом (Пападопулос): «Порфирий Успенский, получив инструкции из Петербурга, предпринял путешествие на Синай, в Египет и на Святую Гору, осматривая библиотеки. Он был сухо принят святогорцами, так что они чинили ему всякие препоны, поскольку он имел... обычай вырывать из рукописей листы, большинство которых хранится сегодня в Императорской Библиотеке Петербурга»⁸.

⁷ ВВ. 1894. Т. 1. С. 413–429.

⁸ *Χρυσόστομος Α. Παπαδόπουλος, ἀρχιεπίσκοπος Ἀθηνῶν. Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἱεροσολύμων. Ἀθήναι, 1910, 1970². Σ. 779–780.*

Евлогий Курилас Лавриот: «Этот русский был счастлив тем, что, первым углубившись в такие исследования, он эксплуатировал наивность и прежнее простодушие афонцев, причем с помощью императорских богатств и патриарших рекомендаций вызывал их доверчивость; они, оказав доверие обильным обещаниям сего ловкого архивокопателя о честном вознаграждении милостыней и о помощи от императоров и русского народа, широко раскрыли двери монастырских архивов и сокровищниц и, ничего не подозревая, вполне предоставили их ему. Но, к несчастью, оказалось, что обещания эти были пустыми и ни один процент из похищенного Успенским не был выполнен. А его пример с тех пор вызвал ненасытность и тамошних русских монахов, которые из того, что прежде всего принадлежит грекам, составили архивы, библиотеки, музеи. Добыча Успенского на Святой Горе была богатейшей...»⁹.

Диакон Хрисостом Калаидзис: «В 1842 году панславист епископ Порфирий Успенский, вернувшись из своего путешествия по Среднему Востоку, подал от имени только что созданного в то время Палестинского Общества на имя правительства Николая I пространную записку. В этой записке он указал способ, которым для России стало бы возможно возглавить «Греческий» Восток. Самым удобным он считал любой ценой вырвать четыре Восточных Патриархата из рук греков и непосредственно подчинить их славянству. Но поскольку непосредственное и насильственное ослабление Патриархатов в высшей степени затруднительно, поскольку в них, как в неприступных твердынях, сосредоточена вся духовная, нравственная и национальная жизнь эллинизма, он с воистину сатанинской пронизательностью указал на возможность опосредованного захвата этих национальных центров эллинизма. Антиохийский патриархат, так же как и патриархаты Иерусалимский и Александрийский, писал епископ-панславист, должны получить арабоязычные [православные], через которых русская политика сможет, с помощью активных действий и предложенного выше метода, направлять самосознание отдельной нации, обособленной от греков, которых следует выставить как чужаков и захватчиков национального достояния арабоязычных. ... Именно тогда, с большой математической точностью осуществилась вторая часть программы Успенского (1842), когда греческие иерархи, не признававшие неканоничного патриарха Мелетия, все были загнаны полицией (турецкой) под «покров» Великой Заступницы Православия — России! Эта русская тактика дошла до того, что в округе был запрещен греческий язык, и Антиохийский Патриархат казался погибшим. И не из-за того, что его захватили арабоязычные, но потому, что его прочно захватили арабисты, слепой орган Палестинского общества по ослаблению грекоязычного Антиохийского Патриархата. Таков был старый русский план для этой территории, предложенный прежде всего генералом графом Игнатьевым, но также и императорским представителем в Синоде Русской Церкви К. Победоносцевым, стремившимся среди прочего к захвату Антиохийской Церкви»¹⁰.

Афонский монах Косма Влахос: «Всех, писавших о Святой Горе, превосходит по полноте исследования архимандрит, а затем титулярный епископ Чигиринский Порфирий Успенский... Он составил многотомный и наделавший много шума труд «Христианский Восток», который, при всех своих недостатках и выдумках, остается самым богатым и обильным источником для исследования, пока греки не придут в себя и не напишут научный труд, лучший него, исправив то, что было изложено Порфирием ошибочно и неудачно, голословно и из-за поверхностного знания филологии. Пример его патриотизма пусть воспламенит наших находящихся на покое архиереев и прочих ученых клириков и монахов, тем более что труд Порфирия стал главным историческим источником для самих

⁹ *Εὐλόγιος Κουρίλας Λαυριώτης*. Τὰ ἀγιορειτικὰ ἀρχεῖα καὶ ὁ κατάλογος τοῦ Πορφυρίου Οὐσπένσκη // ΕΕΒΣ. 1930. Τ. 7. Σ. 181–182.

¹⁰ *Χρυσόστομος Καλαϊτζής*. Τό μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ «ὁ ἅγιος Σέργιος» καὶ οἱ ἠγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεύη, Κατερίνη, 1991. Σ. 536, 538, 584–585.

европейцев, занимающихся нашими делами далеко не безошибочно»¹¹.

Архим. Христофор Ктенас: «Выдумщик Успенский пишет, что в обители Есфигмена нашел автограф Антония Печерского, и вовсе не невероятно, что он сам написал его и тайком поместил в библиотеке обители... Важно и удивительно, что чтение исторических трудов Успенского было запрещено императорским указом из-за совершенной путаницы и подложности его истории. (Папулидис отмечает в сноске: «Утверждения Ктенаса не соответствуют действительности».) Панславист Порфирий Успенский утверждает ради своих панславистских целей и взглядов, что на Святой Горе в эти два века (речь идет о X–XI вв. — П. К.) были русские, сербы, болгары и угро-влахи, но бесстыдно и неудачно лжет против истории, поскольку был выдумщиком; ему доверились некоторые простодушные и легковверные европейцы, в том числе Ланглуа, которые слепо последовали за ним, не ведая о его целях, и пережевывают его, не побывав в афонских обителях и не изучив их официальные документы, которые тот извратил, воспринимая написанное этим выдумщиком словно вещания оракула»¹².

Высказывания в адрес еп. Порфирия со стороны Ст. Пападатоса (1961) Папулидис не приводит, характеризуя их как «оскорбительные и непозволительные» (с. 69, сн. 76). Другие греческие исследователи Афона, например И. Мамалакис, не упоминают даже о самом существовании трудов Порфирия (Успенского)...

С другой стороны, авторы из России обычно замалчивали привычку Порфирия вырывать листы из кодексов. Так, архим. Иннокентий (Просвирнин) пишет, что «многие ценные рукописи он спас из хлама, куда они попали по небрежности хранителей». Но сам же оговаривается, что некоторые отрывки из собрания Порфирия были *изъяты* из кодексов, сохранившихся на Афоне (с. 63–64). Яркий пример — ценнейшая ватопедская рукопись «Географии» Птолемея с цветными картами, которую Порфирий нашел целой, а Антонин (Капустин) уже в 1859 г. обнаружил в ней утраты... «Факт, — пишет Папулидис, — что утраченные листы никто не *спасал* из хлама...» (с. 64). Заметим на это, что отдельные части данного кодекса (Vatoped. 655, XIV в.) хранятся ныне в библиотеках Парижа (Paris. Suppl. gr. 443A) и Лондона (Lond. Mus. Brit. Add. 19391), а не Санкт-Петербурга или Москвы... В.Н. Бенешевич, рассказывая об истории русского византиноведения, замечал: «Стоит особенно вспомнить здесь деятельность архим. Порфирия Успенского, В.И. Григоровича, архим. Антонина Капустина, П.И. Севастьянова, действовавших в монастырях Ближнего Востока иногда методами, не вполне безупречными, но все же менее бесцеремонными, чем какими в свое время имели обычай действовать собиратели рукописей западноевропейцы вроде Тишендорфа и др.»¹³ Лишь в очерке Л.А. Герд, основанном на изучении неопубликованной 17-томной переписки еп. Порфирия¹⁴, впервые на русском языке было прямо упомянуто о его «специфической манере» приобретения рукописей. В своем исследовании она признает: «Порфирий пользовался бедностью и корыстолюбием (а также и доверчивостью) восточных монахов, чтобы за сравнительно небольшие суммы приобретать у них ценнейшие рукописи». За объективность Лоры Александровны Папулидис приносит ей благодарность (с. 19).

Обращаясь к посвященным Афону трудам еп. Порфирия, Папулидис сопоставляет их с сочинением архим. Герасима Смирнакиса (с. 58–59). Разбирая расхождения в мнениях двух корифеев святогорской истории, Папулидис, в частности, пишет: «На с. 96

¹¹ Κοσμάς Βλάχος, διάκονος. Ἡ χερσάνησος τοῦ Ἁγίου Ὄρους Ἄθω καί αἱ ἐν αὐτῇ μοναί καί οἱ μοναχοί πάλαι τε καί νῦν. Μελέτη ἱστορική καί κριτική. Βόλος. Μελέτη ἱστορική καί κριτική. Βόλος, 1903. Σ. 1στ'–ιζ'.

¹² Χριστόφορος Κτενάς, ἀρχιμανδρίτης. Ἄπαντα τά ἐν Ἁγίῳ Ὄρει Ἱερά καθιδρύματα εἰς 726 ἐν ὄλῳ ἀνερχόμενα καί αἱ πρός τό δοῦλον Ἔθνος ὑπηρεσίαι αὐτῶν. Ἀθήναι, 1935. Σ. 411.

¹³ Медведев И.П. Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 604.

¹⁴ См.: Герд Л.А. Епископ Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 19.

Смирнакис сообщает, что Кукузель жил в XIV веке, а не в 1700 г., как указывает Порфирий». Заметим на это, что 1700 г. вовсе не является у Порфирия временем жизни Кукузеля (этим годом датирована *икона* с изображением Кукузеля, упоминаемая Порфирием и, со ссылкой на него, Смирнакисом; более того, в «Истории Афона» (Т. 3/2. С. 404) прямо сказано: «В конце XIII века и в первой половине XIV столетия славился на Афоне Иоанн Кукузель...»). На с. 646 Смирнакис отвергает сообщение одного старца, что Есфигмену был подарен из Киевской лавры тканый гобелен, часть палатки Наполеона Великого, «ведь об этом не говорит даже русский Порфирий Успенский». Говоря о монастыре Пантелеимона, где «постригся сын великого жупана Стефана Немани по имени Рацко, переименованный в Савву», Герасим Смирнакис пишет: «Мы, не сомневаясь, уверенны вместе с русским Порфирием Успенским, что монастырь Фессалоникийца населяли сербо-росии», а не монахи их России.

Подводя итог, Папулидис пишет (с. 67): «Факт, что всякий автор, тем более такой, как Порфирий Успенский, написавший тысячи страниц, делает ошибки. Многие его труды были изданы посмертно, и он не имел возможности лично переработать их. Это вовсе не лишает его права считаться неутомимым писателем. Факт и то, что у него была... привычка вырывать листы из рукописей или различными способами изымать рукописи и кодексы у монахов Христианского Востока. Но это не лишает его статуса ученого, поскольку о человеке следует судить по его совокупному вкладу, а не по одному его недостатку. Мы должны учитывать, что в свои три путешествия по Христианскому Востоку архим. Поффририй ездил как государственный представитель императорской России. Конечно, он был клириком Русской Церкви, но ездил *по государственному поручению*... Папулидис замечает, ни один греческий автор не критикует Порфирия (Успенского) за выдвинутую им гипотезу, выводящую традиционное название Пантелеимонова монастыря — Русик — не от русских монахов, а от сербского г. Роса или Рагузы, «хотя сегодня общепризнанно, что связи Святой Горой с Россией восходят к XI веку» (с. 68). Кроме того, пишет Папулидис, не следует забывать, что на исследования Успенского и Смирнакиса опиралась комиссия профессоров во главе с Аф. Евтаксиасом, составлявшая Уставную хартию Святой Горы 1926 г.

Среди немногочисленных неточностей, замеченных в книге, отметим ошибочный шифр «Порфирьевского Евангелия» 835 г., древнейшей датированной минускульной рукописи (РНБ греч. 219, а не 919) (сноска на с. 65), а также опечатки в списке трудов еп. Порфирия: №№ 34 и 35 имеют одинаковые номера тома и страниц, № 66: с. 1777 (вместо 177), № 80: с. 551–552 (надо: 451–452).

Заканчивая разбор книг Константина Папулидиса, отметим их важное значение не только для популяризации русской науки в Греции, но и для отечественных исследователей, которым небесполезно взглянуть на знаменитых деятелей нашей церковной науки глазами современных греков. Отдельные архивные разыскания Папулидиса вносят уточнения в историю русско-греческих отношений. Остается надеяться, что в наши дни, когда церковно-историческая наука в России получила новый импульс, появление подобных книг подвигнет исследователей на создание новых исследований и архивных публикаций, посвященных русскому вкладу в изучение истории Православного Востока, колыбели христианства и Православия.

П. В. Кузенков

Опубликовано: *Православный Палестинский сборник. Вып. 106. 2008. С. 346–362.*